

К 150-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

© 1997 г., ЭО, № 1

Д.Д. Г у м а р к и н

«ВТОРАЯ ЖИЗНЬ» Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ: МИФЫ И ПРЕДАНИЯ О РУССКОМ УЧЕНОМ В ПАПУА-НОВОЙ ГВИНЕЕ

Не даром Пржевальского, Миклухо-Маклая и Ливингстона знает каждый школьник и не даром по тем путям, где проходили они, народы слагают о них легенды.

А.П. Чехов¹

В последние годы своей жизни Н.Н. Миклухо-Маклай начал превращаться в живую легенду как в России, так и далеко за ее пределами. «Этот человек – самый искренний и последовательный идеалист, какого мне доводилось встречать, – писал, например, в 1883 г. известный французский историк и публицист Габриэль Моно. – В то же время он человек вечно деятельный. Идеалист и человек действия – разве это не признаки истинного героя? Г-н Миклухо-Маклай и есть герой в самом возвышенном и всеобъемлющем смысле этого слова»².

В России Миклухо-Маклай стал очень популярен с конца 1870-х годов. Но решающий шаг в сторону его идеализации и мифологизации был сделан Л.Н. Толстым, чья восторженная оценка личности и деяний отважного путешественника появилась в русских газетах в 1888 г., сразу после безвременной кончины «белого папуаса»³. Феномен Миклухо-Маклая в русском общественном сознании, его эволюция на протяжении двадцатого столетия, его отражение в научной и научно-популярной литературе, в изобразительном искусстве, кино и на телевидении заслуживают специального исследования⁴. Мы же рассмотрим здесь мифы и предания о Миклухо-Маклае, зафиксированные в Папуа-Новой Гвинее (ПНГ), где мифологизация его образа приобрела специфические черты, коренящиеся в местной истории и культуре*.

В 1871 г. русский ученый высадился на северо-восточном побережье Новой Гвинеи, в заливе Астролябия, где до него не ступала нога европейца. Пятнадцать месяцев провел он на этом берегу, ставшем известным как Берег Маклая, и затем еще дважды его посетил (в 1876–1877 и 1883 гг.), пробыв здесь в общей сложности около трех лет. Ученый побывал также на юго-восточном и юго-западном берегах Новой Гвинеи⁶.

С самого начала обитатели Берега Маклая отнеслись к таинственному пришельцу не как к простому смертному, а как к некоему высшему существу – обожествленному предку или духу. Первый белый человек, прибывший на дымящемся чудовище – паровом корвете «Витязь», внушал им страх и даже ужас. Немецкий миссионер А. Гофман, поселившийся в 1892 г. в деревне Богатим (Богадьим) на Берегу

* Этот сюжет был довольно подробно рассмотрен Б.Н. Путиловым, проследившим некоторые аспекты процесса возникновения и развития фольклорно-мифологических представлений о русском ученом на Берегу Маклая⁵. Отсылая читателей к этой интересной работе, мы кратко изложим уже известные факты и сообщим новые данные, оставшиеся неизвестными Б.Н. Путилову, причем выйдем и за пределы Берега Маклая.

Маклая, сообщил Б. Хагену содержание предания о первом появлении там русского ученого:

«Когда жители Богадьим и Бонгу заметили дым "Витязя" в море, у них явилась мысль, что пришел конец свету. Богадьим-тамо (так называют себя сами туземцы-мужчины) поспешили перебить массу свиней и собак, сначала, может быть, с целью умиловления этой жертвой великого духа, а затем – как они сознавались Г. Гофману – и с намерением поесть получше перед последним концом. Еда, и притом обильная, в особенности свиного и собачьего мяса, составляет главную страсть папуасов в бедной вообще мясом Новой Гвинеи.

Из Бонгу много народа пустилось бежать в горы, другие поспешно стали копать себе могилы, а некоторые даже ложились в них, чтобы ожидать неизбежного конца. Но когда прошел день и ничего особенного не произошло, то они снова вылезли и набрались настолько храбрости, что решились посмотреть, куда направилось "морское чудовище", большой корабль. Когда тамо Богадьима узнали от жителей Бонгу, что прибыли белокожие люди, они сначала обрадовались, так как полагали, что это вернулся к ним их "Ротей" (Rotej – великий прадед или дух). Многие мужчины из селения Богадьим направились в лодках к военному кораблю, чтобы поднести подарки Ротей. Там приняли их любезно и одарили с своей стороны. Но, когда они покинули корабль и стали грести к берегу Бонгу, вдруг раздался пушечный выстрел. Со страха тамо выпрыгнули из лодок, бросили полученные подарки и пустились к берегу вплавь. Вернувшись к своим, они объявили в ужасе, что это не Ротей посетил их, а Бука ("сам злой")»⁷.

Еще одним аргументом в пользу «сверхъестественности» Миклухо-Маклая стал светлый цвет его кожи. Именно поэтому, как сказали австралийскому историку Р. Шеридану обитатели деревни Били-Били (Билбил), русский ученый был принят за предка, вернувшегося из мира мертвых⁸. Сообщение Шеридана подкрепляется сравнительным материалом: в мифологии многих новогвинейских этнических общностей светлая кожа – отличительный признак обитателей подземного мира мертвых или духов, живущих на небе⁹.

Своим мужеством, терпением, справедливостью и гуманностью Миклухо-Маклай сумел, как известно, преодолеть настороженность папуасов и завоевать их любовь и доверие. Сблизившись и подружившись с жителями деревень Бонгу, Горенду и Гумбу, научившись объясняться на их языке, установив добрые отношения с обитателями нескольких других деревень Берега Маклая, он смог широко развернуть научные исследования. Папуасы перестали его сторониться, начали приглашать на свои празднества. Но, как отмечает Б. Хаген, местные жители по-прежнему считали русского ученого «чем-то вроде полубога или великого духа»¹⁰. Первичная мифологическая трактовка Маклая как злого духа, воплощения зла была, разумеется, поколеблена. Но она не была попросту отброшена, а, как всякий фольклорно-мифологический образ, продолжала изменяться и развиваться, обрстая новыми подробностями.

Миклухо-Маклай не мог не замечать особого отношения к себе островитян, хотя едва ли полностью понимал его подоплеку как из-за сохраняющихся сложностей в языковом общении с папуасами, так и из-за незнания местной мифологии. «Они приходили ко мне, прося изменить погоду или направление ветра, – писал ученый после первого пребывания на Берегу Маклая, – были убеждены, что мой взгляд может вылечить больного или повредить здоровому; думали положительно, что я могу летать и даже, если захочу, могу зажечь море»¹¹. Папуасы также полагали, что он может «причинять и прекращать замлетрясения»¹². По словам Миклухо-Маклая, местные жители называли его *каарам тамо* («человек с луны») и видели в этом разгадку его могущества и фантастических способностей¹³.

Следует отметить, что ученый не отвергал, а скорее поддерживал представления о своем сверхъестественном происхождении и неограниченных возможностях, так как это обеспечивало ему определенную безопасность и непререкаемый авторитет, а значит, и более благоприятные условия для научных исследований. Например, он постарался незаметно похоронить в море останки своего умершего слуги полинезийца Боя, а когда папуасы спросили, куда тот исчез, неопределенно махнул рукой, как бы

указав на горизонт; в результате островитяне, посоветовавшись, предположили, что «Бой отправлен мною в Россию и что я дал ему возможность перелететь туда»¹⁴. А когда папуас Саул спросил Миклухо-Маклая, смертен ли он, ученый протянул спрашивающему копье со словами: «Попробуй, посмотри, может ли Маклай умереть». Разумеется, Саул отказался от этого эксперимента, и ученому больше не задавали такого вопроса¹⁵. Более того, он устраивал иногда безобидные мистификации, призванные подчеркнуть его магические способности. Так, он поджиг налитый в блюде спирт, выдав его за обычную воду¹⁶. Очевидно, именно после этого по побережью распространился слух, что Маклай может «зажечь море».

Русский ученый был не только отважен, добр и справедлив, не только лечил больных, но и привез обитателям Берега Маклая, жившим в каменном веке, первые стальные топоры и ножи, семена и саженцы новых для них культурных растений, а позднее – бычка и телку. В результате в развивающихся мифологических представлениях о Маклае стали выходить на первый план черты, присущие культурному герою, который несет людям новые познания и навыки. Именно в таком качестве предстает перед нами Маклай в легенде, которую немецкий лингвист О. Демпвольф записал в начале XX в. на острове Били-Били¹⁷.

На Берегу Маклая и прилегающих островах существовало несколько версий о братьях Килибобе и Манупе – двух обожествленных культурных героях, которые дали людям каменные орудия труда, научили их огородничеству, строительству лодок, резьбе по дереву и т.д. По одной из версий этого мифа светлокожий Килибоб, совершив множество созидательных подвигов на Берегу Маклая, отправился за море, но обещал вернуться на большом корабле¹⁸. Смутные предположения о тождестве Маклая с Килибобом появились у местных жителей еще тогда, когда ученый впервые прибыл в залив Астролябия на корвете «Витязь»¹⁹. С годами, когда в мифологизированном образе Маклая стали все явственнее проступать черты культурного героя, это мнение, по-видимому, стало преобладающим²⁰.

В 1884 г. северо-восточная часть Новой Гвинеи, включая Берг Маклая, была аннексирована Германией. Немецкие колониальные чиновники, миссионеры и плантаторы пытались использовать в своих интересах ту добрую память, которую оставил по себе *тамо русс* Маклай, даже выдавали себя за его братьев или посланцев²¹. Но их высокомерное и агрессивное обращение с новогвинейцами и особенно экспроприация на побережье больших участков плодородных земель породили отчужденность и пассивное сопротивление, дважды (в 1904 и 1912 гг.) перераставшее в восстания против колонизаторов²². Примечательно, что в сознании местного населения Маклай оказался как бы отделенным глухой стеной от этих белых пришельцев, которые на первых порах воспринимались как чуждые божества, а позднее – как враждебные человеческие существа, получившие от своих богов орудия и средства господства над новогвинейцами. Что же касается Маклая, то он был включен в традиционные мифологические структуры и в качестве обожествленного культурного героя превратился в одно из местных божеств (*тибуд*)²³.

Мифологизированный образ *тамо русс* довольно быстро проник в предгорные и гористые местности, составляющие хинтерланд Берега Маклая. А в племени гария, живущем в междуречье Гогола и Раму, слово *магарай* (искаженное *маклай*) даже стало употребляться для обозначения божества наряду с местным термином *оутеу*²⁴.

Более того, отголоски мифов о Маклае достигли Центрального нагорья, причем задолго до появления в этом труднодоступном районе европейцев. В ноябре 1930 г. два золотоискателя, М. Лихи и М. Дуайер, первыми пробравшиеся в горную долину Горока, были встречены возгласами: «Макарай!». Как установил австралийский исследователь П. Мунстер, так называли здесь стальные топоры и ножи, которые привез на побережье залива Астролябия Миклухо-Маклай. Через высокие горные хребты по многоступенчатым торговым путям эти топоры и ножи проникли в Центральное нагорье. Мифологические представления об источнике этого богатства

– светлокожем духе Макарае (Маклае) – попали к жителям нагорий вместе со стальными орудиями²⁵.

В XX в. во многих районах ПНГ – там, где коренные жители были вовлечены в более или менее регулярные контакты с колонизаторами, где действовали миссионеры – возникали культы карго. Эти религиозные движения, причудливо сочетавшие отдельные своеобразно истолкованные догматы христианства с местными верованиями, в первую очередь с мифом о Килибобе и Манупе, вспыхивали и на Берегу Маклая²⁶. В некоторых из этих культов Маклай выступал в роли божества, которое посылает новогвинейцам европейские товары, перехватываемые по пути белыми²⁷. Приведем конкретный пример. Представитель местной колониальной администрации настоятельно просил советских этнографов, посетивших в 1971 г. деревню Бонгу, не ходить группами на мыс, где установлена мемориальная плита на месте хижины Миклухо-Маклая, а главное – не устраивать на нем никаких торжественных церемоний. В противном случае, предупреждал он, некоторые бонгуанцы могут начать там раскопки, чтобы обнаружить богатства, присланные Маклаем²⁸.

В середине XX в. лидеры культистов нередко утверждали, что Иисус Христос не кто иной, как Килибоб²⁹. Это подготовило почву для отождествления Маклая с Христом. Как установил в 1968 г. австралийский этнолог П. Лоуренс, именно такое мнение было распространено в племени гирава, обитающем по соседству с гариа³⁰.

К концу 1970-х годов проявления культов карго пошли на убыль. Но это еще не означало победы христианства над традиционными верованиями. В статье, опубликованной в 1988 г., П. Лоуренс писал, что жители Берега Маклая и прилегающих местностей «стремятся вовлечь себе на пользу в свои дела богов и духов умерших, и они тратят очень много времени на обсуждение значения традиционных мифов, Библии и их всевозможных сочетаний»³¹. При этом миф о Килибобе и Манупе продолжает играть очень важную роль в религиозно-мифологических представлениях местного населения. Австралийская исследовательница Р. Максудэйн подчеркивала в 1994 г., что для современных жителей о-ва Каркар, расположенного у Берега Маклая, миф о Килибобе и Манупе остается «хартией, определяющей не только их происхождение и культуру, но также их нынешние и будущие действия. В качестве живой эпистомологической силы он санкционирует, даже поощряет их усилия совладать с потрясениями, сопутствующими новому, неведомому и угрожающему. В качестве истории с открытым концом он обеспечивает простор для множества возможных решений, которые касаются не только продолжающихся постколониальных невзгод, но и самой этой истории»³². «Столь велико было влияние, оказанное русским ученым, – продолжает Р. Максудэйн, – то современная мифология часто отводит ему различные созидательные роли – от отца Килибоба, то самого Килибоба, то сына Килибоба. Это прекрасный пример адаптации в пределах постоянной структуры»³³. Недаром евангелический пастор в деревне Бонгу, местный уроженец Абудзь, воспитанник миссионеров, доверительно сказал мне в 1977 г.: «Мы все – дети Килибоба»³⁴.

На Берегу Маклая зафиксированы также предания и другие устные рассказы, которые отражают реальные факты, связанные с русским ученым, и нередко содержат имена тех местных жителей, кто действительно дружил и сотрудничал с Миклухо-Маклаем.

Посетив в 1971 г. с группой этнографов Бонгу и некоторые другие деревни Берега Маклая, автор этих строк убедился в том, что их обитатели сохранили светлую память о *тамо русс*. Здесь узнают о нем с детства, так как рассказы о Маклае передаются от отца к сыну, из поколения в поколение. Пожилые бонгуанцы, особенно сторонники культа карго, распространенного тогда в этом районе, все еще считали его божеством. Некоторые молодые люди, учившиеся в школе, по-видимому, уже не обожествляли Маклая, но и для них он был человек из легенды – таинственный, могущественный и необычайно добрый.

Бонгуанцы хорошо помнят, что именно Маклай привез им первые стальные

топоры и ножи, многие новые для них культурные растения, подарил бычка и телку. Эти исторические факты запечатлелись не только в их коллективной памяти, но и в бонгуанском языке, в который вошло несколько фонетически измененных русских слов: *сханор* (топор), *зугруз* (кукуруза), *абрус* (дыня; первоначально, очевидно, арбуз), *бика* (бык). Кроме того, к местным названиям некоторых культурных растений, интродуцированных русским ученым, принято добавлять его имя: *дыгли Маклай* (огурец), *валю Маклай* (тыква) и т.д.

Жители Бонгу не забыли, что хижины Маклая стояли на мысах Гарагаси и Бугарлом, хотя буйная тропическая растительность и прожорливые муравьи давным-давно уничтожили все следы этих построек. Тропинка из Бонгу на мыс Бугарлом, где он жил в 1876–1877 гг., до сих пор называется *гом Маклай* – «тропа Маклая»³⁵.

Наша группа записала в Бонгу на магнитофонную ленту три варианта предания о *тамо русс*: два – от деревенского старосты Каму (на пиджин-инглиш), один – от самого старшего жителя деревни Танога. Были записаны также их переводы: двух первых – на английский язык, выполненные школьным учителем Кони Хомате, третьего – на пиджин-инглиш, сделанный пастором Абудзем. Вот пересказ одной из версий предания, услышанного от Каму, который опубликован мной в 1975 г.:

«Когда Маклай впервые появился в зделинных местах, жители близлежащих деревень очень испугались, так как это был первый белый человек, которого они увидели. На океанском берегу Маклай встретил папуаса по имени Тойя. Тот подумал, что таинственный пришелец хочет его убить, и стал отступать к деревне, но Маклай его догнал, остановил и подарил ему соль и топор. Затем Маклай уехал, а когда вернулся, подарил тамо бонгу бычка. Они никогда не видели такого животного и потому решили, что это большая свинья, только клыки у нее растут не из пасти, а на лбу. Когда пришло время пира, папуасы попытались связать "свинье" ноги, чтобы затем убить ее и приготовить из мяса угощение. Но диковинное животное начало бодаться, лягаться, бонгуанцы в ужасе рассыпались в разные стороны, и оно убежало в горы. Так его и не поймали»³⁶.

В этом предании, как и во всяком фольклорном источнике, есть, конечно, неточности. Но оно основано на подлинных фактах.

Первого папуаса, которого встретил русский ученый, действительно звали Тойя (Туй), но Миклухо-Маклай подарил ему при встрече не соль и топор, а красную матерью³⁷. Не вымышленна и комичная история про бычка, которого бонгуанцы и впрямь приняли за *буль боро* (большую свинью), только ученый подарил им бычка с телкой не во второй, а в третий свой приезд. Вскоре после водворения в Бонгу бычок перескочил через изгородь загона и бросился наутек. «Бычок (...) вырвавшись на свободу, – вспоминает Миклухо-Маклай, – как бешеный полетел по деревне. Туземцы в ужасе быстро попрятались кто куда (...). За бычком последовала и телка, и интересная парочка унеслась на ближайшие холмы»³⁸.

В варианте предания, услышанном от Танога, более подробно описана первая встреча ученого с Тойей, а затем и с его односельчанами, рассказано о восприятии папуасами подарков, в том числе стекла и табака, но лишь упомянут пресловутый бычок. Тут вкраплены и другие сюжеты: смерть слуги-полинезийца Боя, дружба Миклухо-Маклая с тремя местными жителями, имена которых (Сибикам, Денисим, Агу) не встречаются в его дневниках. Полный текст этого варианта предания, переведенного на русский язык Н.М. Гиренко, можно найти в работе Б.Н. Путилова³⁹.

Австралиец Ч. Сентинелла, посетивший вскоре после нас Бонгу, опубликовал в кратком изложении еще один вариант этого предания. В нем, в частности, говорится, что бонгуанцы, выведенные из себя опустошениями, которые бычок производил на их огородах, устроили на него охоту, убили его, но, возвратившись в деревню, собрались в мужском доме, мучимые угрызениями совести: ведь они умертвили животное, которое подарил им Маклай⁴⁰.

Снова побывав с группой этнографов в Бонгу в 1977 г., я записал на магнитофонную ленту три предания, рассказанные на пиджин-инглиш пастором Абудзем и тут же кратко и неточно переведенные на английский язык представителем властей

ПНГ Джоэ Сомаз, сопровождавшим нашу экспедицию (в 1975 г. ПНГ стало независимым государством). В одном из преданий речь идет опять о бычке, в другом – как обитателей побережья напугал артиллерийский салют, который произвел русский военный корабль, пришедший за Маклаем. В третьем предании рассказывается о том, как жители деревни Горенду, расположенной вблизи от Бонгу, решили убить Маклая за то, что он отказался взять в жены местную девушку. Но *тамо русс*, придя в их деревню, расстелил на земле циновку и лег спать среди вооруженных людей. И тогда Тойя сказал: «Видите, он не хочет сражаться, он вам доверяет». Мужчины Горенду не тронули спящего Маклая и вскоре стали его друзьями»⁴⁰.

Этот случай, происшедший вскоре после первой высадки ученого на Берегу Маклая, тоже отражен в его дневниках⁴¹, но там не говорится о том, что враждебность жителей Горенду объяснялась его нежеланием взять местную жену. Впрочем, указанный сюжет возник, по-видимому, не случайно: Миклухо-Маклаю не раз предлагали жениться на местных девушках и пытались укладывать их рядом с ним при его ночевках в папуасских деревнях, но ученый, как он пишет, в таких случаях заявлял, что «Маклаю женщин не нужно»⁴².

Как и в 1971 г., бонгуанцы устроили в 1977 г. праздник в честь гостей из «страны Маклая». Праздник начался с пантомимы, которая как бы объединила основные элементы различных версий предания о первом появлении *тамо русс* в этих местах. По ходу действия ее комментировал Абудзь на пиджин-инглиш, а автор этих строк переводил его объяснения ученым разных специальностей и членам экипажа «Дмитрия Менделеева», приехавшим на праздник (см. рис. 1–4).

Затем начались старинные танцы. Казалось, мы перенеслись в прошлое столетие. На таких танцах в качестве почетного гостя присутствовал Миклухо-Маклай. И выступавшие перед нами танцоры были одеты и разукрашены так, словно сошли с его рисунков⁴³.

Предания и другие мемориальные повествования о Маклае зафиксированы не только в Бонгу, где базировался русский ученый, но и в деревне Били-Били (Билбил). Во времена Миклухо-Маклая ее жители обитали на близлежащем островке того же названия, откуда в начале XX в. они были переселены немецкими колониальными властями на «материк», т.е. на берег Новой Гвинеи. Побывав в 1971 г. в этой деревне вместе с Н.А. Бутиновым и А.Н. Поповым, автор обнаружил, что русский ученый известен и популярен здесь, пожалуй, не меньше, чем в Бонгу. «Имя Маклая служит здесь паролем, – писал после посещения Били-Били Н.А. Бутинов, – с ним можно входить в любой дом»⁴⁴.

Жители Били-Били сказали нам, что Маклай часто посещал их островок, привез им новые культурные растения, снабдил их металлическими орудиями. Это отразилось в местном языке (отличном от бонгуанского), в котором укоренились по крайней мере два фонетически измененных русских слова – *гугруз* (кукуруза) и *сапор* (топор)⁴⁵.

В 1930-х годах воспоминания билибильцев о Маклае собирал миссионер Э. Ханнеман⁴⁶, в 1959 г. – уже упоминавшийся Р. Шеридан⁴⁷, в 1987–1988 гг. – австралийская исследовательница М. Меннис⁴⁸. Если от первых двух собирателей остались лишь краткие записи, то М. Меннис записала на магнитофонную ленту многочисленные беседы с местными жителями, перевела эти тексты с пиджин-инглиш на английский язык и полностью опубликовала их в нескольких номерах выходящего в ПНГ журнала «Oral History». Беседы велись на разные темы, но в них неоднократно упоминался Маклай и излагались связанные с ним «истории». В 1989 г. М. Меннис кратко ознакомила с некоторыми результатами своих полевых исследований читателей «Советской этнографии»⁴⁹. В материалах Ханнемана, Шеридана и Меннис встречается много сходных сюжетов и эпизодов, что позволяет говорить об устойчивой фольклорной традиции.

Жители Били-Били называли исследователям имена пятерых своих соплеменников – Каина, Мадамая (Марамая), Гада, Гассана и Баиса, – с которыми дружил и сотрудничал Миклухо-Маклай. Имена первых четырех встречаются в его дневниках.

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 1, 2. Праздник в честь гостей из «страны Маклая». Бонгу, 1971 г.

Каин, Мадамай и Гассан сопровождали ученого в его плаваниях вдоль Берега Маклая и гостеприимно принимали его на своем родном острове, где построили для него хижину на мысе Айру. «Маклай обычно останавливался тут, – рассказывал билибилец Маджар, – и всматривался в море в ожидании русского корабля (...). Отсюда виден и Берег Рай (Берег Маклая. – Д.Т.), и выход в океан. Очень хорошее место»⁵⁰.

Шеридан и Меннис записали предание о том, как ребенок на Били-Били был назван Маклаем. Однажды, гласит предание, Маклай, прибыв на этот островок, услышал крик новорожденного и спросил, был то мальчик или девочка. Когда ему ответили, что перед ним мальчик, он сказал: «Назовите его Маклаем в мою честь». Родители так и сделали; сын и внук этого ребенка тоже стали носить имя Маклай⁵¹. С внуком – Дамуном Маклаем – мы встретились в 1971 г., а в конце 80-х годов он стал одним из основных информаторов М. Меннис.

Существует несколько версий предания о том, как Миклухо-Маклай, в последний раз посетив Били-Били, пригласил на русский корабль Каина и Мадамай и предложил им отправиться с ним в Россию. «Вы возили меня на Берег Рай, – сказал ученый, – теперь я хочу показать вам мою страну». «О Маклай, – ответил Каин, – лучше возьми моих сыновей Сешбунга и Кали. Я уже старик и могу умереть в твоей стране». Так как корабль уже отошел от Били-Били, Маклай приказал подойти к о-ву Сегу (Сек). Тут Каин и Мадамай сразу сбежали с корабля на берег и спрятались в зарослях. Маклай отправился вслед за ними, отыскал их и сказал: «Зачем вы так поступили? Ведь я специально приказал подойти к Сегу, чтобы вас высадить»⁵². Это предание отражает реальные события, происшедшие в марте 1883 г.⁵³

В одной журнальной статье невозможно изложить даже кратко все «истории» о русском ученом, зафиксированные в деревне Били-Били. Такого рода мемориальные повествования, несомненно, бытуют и в других деревнях Берега Маклая. Первый премьер-министр ПНГ Майкл Сомаре вспоминал в 1988 г., что, работая в начале 1960-х годов учителем в этом районе, он слышал «много историй» про Маклая⁵⁴.

В 1975 г. в городе Маданге, выросшем на Берегу Маклая, маленькое миссионерское издательство выпустило в переводе на английский язык новогвинейские дневники Миклухо-Маклая⁵⁵. В 1977 г. я видел эту книгу у учителя из деревни Богатим, пришедшего в Бонгу. На основе дневников была подготовлена серия передач на английском языке и на пиджин-инглиш, которую из года в год транслировало радио Порт-Морсби. Эти радиопередачи сделали Миклухо-Маклая очень популярным во всех провинциях ПНГ⁵⁶.

Публикация дневников и особенно радиопередачи не могли не оказать влияния на представления о *тамо русс* у жителей Берега Маклая. Первые признаки такого влияния мне довелось наблюдать в 1977 г. во время пребывания в Бонгу. Ограничусь одним примером. Рассказав нам три предания о Маклае, пастор Абудзь неожиданно добавил: «А знаете, Маклай был мастер на выдумки. Он похоронил своего умершего слугу в море, а нам намекнул, что тот улетел в Россию». Примечательно, что в предании о первом появлении Маклая, записанном в 1971 г. Н.М. Гиренко и Б.Н. Путиловым от Танога, говорится, что когда слуга умер, «Маклай был очень огорчен, он отправил его на Соломоновы острова»⁵⁷. Таким образом, в 1971 г. Таног еще не был осведомлен о подлинных обстоятельствах похорон Боя, хотя и не воспроизвел традиционную версию о том, что тот улетел в Россию.

Создается впечатление, что в наши дни усиливается раздвоение образа Маклая. В сфере религиозно-мифологических представлений, которых придерживается значительная часть местного населения, Маклай остается одним из персонажей мифа о Килибобе и Манупе. Вместе с тем на бытовом уровне фольклорная традиция, касающаяся Маклая, постепенно начинает отступать и сменяться под натиском реального исторического знания.

Встречи и беседы, которые советские этнографы имели в 1977 г. в столице ПНГ городе Порт-Морсби, показали, что студенты и преподаватели здешнего университета, многие представители местной элиты, включая членов правительства, непло-

Рис. 3. Автор статьи записывает предание о Маклае. Бонгу, 1977 г.

Рис. 4. Пантомима о первом появлении Маклая. Встреча ученого с Тойей (Туем). Маклая изображает молодой бонгуанец. 1977 г.

хо осведомлены о научной и общественной деятельности Миклухо-Маклая и высоко ценят его за то, что он пытался оградить папуасов и других океанийцев от произвола колонизаторов⁵⁸. Первый министр иностранных дел ПНГ Маори Кики, посетив в 1976 г. Москву, сказал на одном из приемов, на котором присутствовал автор этих строк: «Ваш соотечественник, имя которого мне нелегко произнести, пытался создать

у нас независимое государство. Тогда мы были не готовы к этому, но теперь эта мечта осуществилась».

Будущие поколения жителей ПНГ будут узнавать о русском ученом преимущественно из книг, средств массовой информации (в ПНГ уже появилось свое телевидение) и, возможно, из школьных учебников, хотя и фольклорная традиция, касающаяся *тамо русс*, еще долгое время будет играть значительную роль на Берегу Маклая. Так или иначе, имя русского исследователя вписано в историю ПНГ. Не случайно еще в 1971 г., когда отмечались 125-летие со дня его рождения и столетие со дня его первой высадки на Новой Гвинее, улица Миклухо-Маклая появилась не только в Москве, но и в далеком новогвинейском городе Маданге.

Примечания

- ¹ Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. Серия первая. Соч. Т. 7. М., 1947. С. 476.
- ² Monod G. La Nouvelle-Guinée. Les voyages de M. de Mikluho-Maclay // La Nouvelle Revue. T. 19. № 2. P. 1882. P. 247.
- ³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 63. М.; Л., 1934. С. 378–379. Впервые: Неделя. 1888. 10 (22) апр.
- ⁴ О начале и ранних этапах этого процесса см.: Tumarkin D. Mikluho-Maclay and the Perception of the Peoples of New Guinea in Russia // Pacific Studies. V. 16. № 1. Laie, Hawaii, 1993. P. 33–42.
- ⁵ Путилов Б.Н. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Страницы биографии. М., 1981. С. 27–57.
- ⁶ О пребывании Миклухо-Маклая на Новой Гвинее и значении собранных им там научных материалов см.: Бутинов Н.А. Миклухо-Маклай на Берегу Маклая // На Берегу Маклая (Этнографические очерки). М., 1975. С. 5–25; Тумаркин Д.Д. Миклухо-Маклай и его наследие (к 100-летию со дня смерти) // Сов. этнография (далее – СЭ). 1988. № 2. С. 5–7.
- ⁷ Хаген Б. Воспоминания о Н.Н. Миклухо-Маклае у жителей бухты Астролябия на Новой Гвинее // Землеведение. 1903. Кн. 2–3. С. 246–247. Эту статью немецкий врач Б. Хаген, находившийся в Бонгу в 1893–1894 гг., написал по просьбе Д.Н. Анучина (Там же. С. 251–252). Сам Гофман впоследствии опубликовал изложение предания в своих мемуарах: Hoffmann A. Lebenserrinerungen eines rheinischen Missionars. Bd. 1. Barmen, 1948. S. 248–249. Сходное предание было зафиксировано на близлежащем о-ве Грагед (Кранкет): Hanneemann E.F. Village Life and Social Change in Madang Society. P. 24 (недатированный машинописный текст, мимеографированная копия которого находится в библиотеке Университета ПНГ в г. Порт-Морсби).
- ⁸ Sheridan R. Notes from Visit to Bili Bil Village, Madang Area. March 1959. P. 6 (черновой машинописный текст, хранящийся в сиднейском Музее У. Маклая).
- ⁹ Путилов Б.Н. Указ. раб. С. 29–30.
- ¹⁰ Хаген Б. Указ. раб. С. 247. См. также: Hoffmann A. Op. cit. S. 249.
- ¹¹ Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. М.; Л., 1990. С. 263.
- ¹² Там же. Т. 3. М.; Л., 1993. С. 328.
- ¹³ Там же. Т. 1. С. 263; Т. 2. М.; Л., 1993. С. 406–407. Не сомневаясь в том, что жители Берега Маклая считали русского ученого сверхъестественным существом, Н.А. Бутинов и Н.М. Гиренко поставили под сомнение трактовку его папуасами как «человека с луны». По мнению этих исследователей, путешественник принял слова *gare тамо* («человек в оболочке», т.е. в одежде) за *хагахам тамо* («человек с луны»; в передаче Миклухо-Маклая – «каарам тамо»). См.: Бутинов Н.А., Гиренко Н.М. Три языка в деревне Бонгу // На Берегу Маклая. С. 208. Не касаясь лингвистического аспекта проблемы, отметим, что наименование Маклая «человеком с луны» вполне укладывается в характерную для аборигенов Новой Гвинеи систему мифологических представлений, согласно которым их предки – белокожие обитатели неба и луны. См.: Путилов Б.Н. Указ. раб. С. 32.
- ¹⁴ Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. С. 128–131, 134.
- ¹⁵ Там же. Т. 2. С. 195–196, 214–215.
- ¹⁶ Там же. Т. 1. С. 131–132.
- ¹⁷ Бутинов Н.А. Воспоминания папуасов о Миклухо-Маклае по свидетельствам позднейших путешественников // Миклухо-Маклай Н.Н. Собр. соч. в 5 т. Т. 2. М.; Л., 1950. С. 749.
- ¹⁸ Lawrence P. Road Belong Cargo. A Study of the Cargo Movement in the Southern Madang District, New Guinea. Manchester, 1964. P. 22–24; McSwain R. Kilibob and Manup: Past and Future Creator Deities of Karkar Island // Pacific Studies. 1994. V. 17. № 4. P. 15–17.
- ¹⁹ Хаген Б. Указ. раб. С. 247.
- ²⁰ McAuley J. We Are Men – What Are You? // Quadrant. 1960. V. 4. № 3. P. 74; Lawrence P. Op. cit. P. 65–66.
- ²¹ Finsch O. Samoafahrten. Reisen in Kaiser-Wilhelms-Land und Englisch-Neu-Guinea in den Jahren 1884 und 1885 an Bord des Deutschen Dampfers «Samoa». Leipzig, 1888. S. 37, 65; Thomas J.W. Von Nias nach Kaiser-Wilhelms-Land. Gütersloh, 1892. S. 43–44; Хаген Б. Указ. раб. С. 247–248.

- ²² Lawrence P. Op. cit. P. 37–41, 57–58, 67–72; *Sentinella C.* Astrolabe Bay after Maclay's Death // Mikloucho-Maclay: New Guinea Diaries 1871–1883. Madang, 1975. P. 323–335.
- ²³ Lawrence P. Op. cit. P. 65–69, 236; *McAuley J.* Op. cit. P. 74.
- ²⁴ Lawrence P. The Garia. An Ethnography of a Traditional Cosmic System in Papua New Guinea. Carlton, 1984. P. 21.
- ²⁵ Munster P. Mick, Mick and 'Makarai' // *Paradise*. 1982. № 34. P. 25–28.
- ²⁶ См.: *Бутинова М.С.* Культ карго в Меланезии (К проблеме миллениаристских движений) // СЭ. 1973. № 1. С. 81–92; *Wagner H.* A Field Study of the Bongu-Buged Circuit. Lae. 1963. P. 49–85 (машинописный текст, мимеографированная копия которого находится в библиотеке Университета ПНГ); *Lawrence P.* Road Belong Cargo. P. 63–273.
- ²⁷ Lawrence P. Miklouho-Maclay // *Royal Anthropological Institute News*. 1982. № 52. P. 13.
- ²⁸ *Басилов В.Н.* Через сто лет после Маклая // СЭ. 1972. № 4. С. 151.
- ²⁹ Lawrence P. Road Belong Cargo. P. 92, 238.
- ³⁰ Lawrence P. Miklouho-Maclay. P. 13.
- ³¹ Lawrence P. Twenty Years After: A Reconsideration of Papua New Guinea Scabard and Highlands Religions // *Oceania*. 1988. V. 59. № 1. P. 15.
- ³² *McSwain R.* Op. cit. P. 14.
- ³³ *Ibid.* P. 19.
- ³⁴ «А ты знаешь, откуда у нас пиджин-инглиш? – спросил далее Абудзь. – Когда-то в древности Килибоб и Мануп плавали на большом корабле между Австралией и Новой Гвинеей и думали, какой язык дать нам, новогвинейцам. Вдруг прилетел орел и научил их пиджину, а они передали этот язык жителям Новой Гвинеи. Вот почему орла чтут в наших местах». Легенда, рассказанная Абудзем, не могла возникнуть ранее конца XIX в., ибо меланезийский пиджин-инглиш (*ток писин*) сложился в те годы на плантациях Квинсленда и некоторых островов Океании как язык общения колониальных властей и плантаторов с островитянами. В дальнейшем он стал лингва франка и в самой папуасо- и меланоязычной среде. На нем говорят многие мужчины-бонгуанцы. См. об этом: *Бутинов Н.А., Гиренко Н.М.* Указ. раб. С. 204–206.
- ³⁵ См.: *Тумаркин Д.Д.* По следам «тамо русс» (советские ученые в Бонгу) // На Берегу Маклая. С. 26–49.
- ³⁶ Там же. С. 42–43.
- ³⁷ *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. в 6 т. Т. 1. С. 80–83.
- ³⁸ Там же. Т. 2. С. 359.
- ³⁹ *Путилов Б.Н.* Указ. раб. С. 54–55.
- ⁴⁰ *Sentinella C.L.* Impressions at Bongu Village // Newsletter of the Miklouho-Maclay Society of Australia. 1980. V. 1. № 3. P. 11.
- ⁴¹ *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. в 6 т. Т. 1. С. 93–97.
- ⁴² Там же. Т. 1. С. 211, 266; Т. 2. С. 165. Такое поведение ученого, возможно, объяснялось его желанием сохранить некоторую дистанцию между собой и папуасами, а также упрочить представление о себе как о «человеке с луны».
- ⁴³ См.: *Тумаркин Д.Д.* Новая встреча с Океанией // СЭ. 1977. № 6. С. 75–81.
- ⁴⁴ *Бутинов Н.А.* Билбил и Ябоб – центры гончарного производства на Берегу Маклая // На Берегу Маклая. С. 266.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Hannemann E.F.* Op. cit. P. 24–25.
- ⁴⁷ *Sheridan R.* Op. cit. P. 1, 4–6, 8, 11–12, 17.
- ⁴⁸ *Mennis M.* Oral Testimonies from Coastal Madang. Pt. 1–3 // *Oral History*. 1980. V. 8. № 10; 1981. V. 9. № 1, 2, passim.
- ⁴⁹ *Мениус М.* На острове Били-Били (по следам Н.Н. Миклухо-Маклая) // СЭ. 1989. № 5. С. 117–122.
- ⁵⁰ Там же. С. 119.
- ⁵¹ Там же. С. 122; *Sheridan R.* Op. cit. P. 49. Другой вариант этого предания записал в кратком изложении Н.А. Бутинов (*Бутинов Н.А.* Билбил и Ябоб. С. 266). В этой записи Дамун Маклай ошибочно назван сыном ребенка, родившегося при Миклухе-Маклае.
- ⁵² *Hannemann E.F.* Op. cit. P. 25; *idem.* A Graged-English Sentence Book. Columbus, 1945. P. 28; *Mennis M.* Op. cit. Pt. 3. P. 1–2. По версии предания, услышанной Шериданом, Маклай помимо Каина и Мадамая пригласил в Роспю еще Гассана, но тот вскоре выпрыгнул за борт и был подобран в море жителями Били-Били (*Sheridan R.* Op. cit. P. 4).
- ⁵³ См.: *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. в 6 т. Т. 2. С. 359–363.
- ⁵⁴ Miklouho-Maclay Exhibition Speeches // Newsletter of the Miklouho-Maclay Society of Australia. 1988. V. 9. № 3. P. 7.
- ⁵⁵ Mikloucho-Maclay: New Guinea Diaries 1871–1883 / Translated from the Russian with Biographical Comments by C.L. Sentinella. Madang, 1975.
- ⁵⁶ *Sentinella C.L.* Impressions at Bongu Village. P. 12.
- ⁵⁷ *Путилов Б.Н.* Указ. раб. С. 55.
- ⁵⁸ *Тумаркин Д.Д.* Миклухо-Маклай и его наследие. С. 15.

«The second life» of N.N. Miklouho-Maclay: myths and legends about the Russian scientist in Papua New Guinea

The famous Russian scientist and traveller N.N. Miklouho-Maclay spent several years (in 1870–1871, 1876–1877, 1883) among the indigenes of New Guinea and left a deep mark in their minds as one of their «cultural heroes». On the basis of his field materials, collected on the Maclay Coast of New Guinea, as well as publications by German and Australian missionaries and scientists, the author of the article considers the process of Maclay's mythicization and describes myths and legends about the Russian traveller.

D.D. Tumarkin

МЕРОПРИЯТИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ УЧЕНОГО

© 1997 г., ЭО, № 1

В ПЕТЕРБУРГЕ

24–27 июля 1996 г. в Петербурге состоялась научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Н.Н. Миклухо-Маклая. Устроителями ее стали Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера), Русское географическое общество, Петербургский центр ЮНЕСКО и Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва). К началу конференции были приурочены открытие выставки океанийских коллекций Миклухо-Маклая в МАЭ, выставка литературы, связанной с жизнью и деятельностью ученого, в РГО, выставка работ студентов Петербургской государственной художественно-промышленной академии, посвященных восстановлению усадьбы в с. Языково-Рождественское, месте рождения Миклухо-Маклая. Конференцию открыл академик М.И. Богомолов, с приветствиями выступили директор МАЭ А.С. Мильников, ученый секретарь РГО А.О. Бриккен, представитель Петербургского центра ЮНЕСКО С.И. Калинин.

В докладе «Н.Н. Миклухо-Маклай – выдающийся ученый и общественный деятель» Н.А. Бутинов (Петербург) подчеркнул широту научных интересов ученого и его заслуги перед мировой антропологией и этнографией. Никакому другому этнографу не удалось столь длительное время прожить среди людей каменного века, изучая их хозяйственную деятельность, общинную организацию, семейную жизнь, обряды, повседневный быт. Научная деятельность ученого была неразрывно связана с его стремлением помочь изучаемым им народам, защитить их от несправедливостей.

Э.М. Мурзавев (Москва) выступил с докладом «Географические наблюдения Н.Н. Миклухо-Маклая». Как отметил докладчик, Русское географическое общество в 1869–1870 гг. осуществило две важные акции: направило П.М. Пржевальского в Уссурийский край и Н.Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею. Имена этих путешественников вписаны золотыми буквами в историю РГО и сохранились в памяти нашего народа, хотя после их кончины прошло более столетия. Миклухо-Маклай отправился в путь как естествоиспытатель, но прославился не своими географическими и зоологическими наблюдениями (климат, рельеф, температура в глубинах океана, животный мир и т.д.), а этнографическими и антропологическими исследованиями.

Б.Н. Путилов (Петербург) посвятил свой доклад судьбе рукописного наследия Миклухо-Маклая. Уже при жизни ученого его богатый рукописный фонд потерпел невосполнимые утраты. Однако основная часть рукописей была спасена и попала в РГО, затем с ними работал Д.Н. Анучин, которому принадлежит заслуга подготовки первого издания избранных трудов ученого. К сожалению, именно Анучин утвердил на долгие годы представление о сохранившихся рукописных материалах как о черновиках, нуждающихся в редактировании и даже доработке. В 30–40-е годы были предприняты успешные попытки по разысканию и опубликованию неизвестных и забытых сочинений ученого. В научный оборот вошли обширные рукописные материалы, собранные братом Михаилом Николаевичем и ныне хранящиеся в Петербургском филиале Архива РАН. Итогом этой работы стало первое собрание сочинений ученого в пяти томах, изданное в 1950–1954 гг. Новый этап в судьбе наследия ученого обозначился с 1971 г., когда советские этнографы осуществили экспедицию по его следам и познакомились с архивными материалами в Сиднее. В ходе подготовки второго собрания сочинений ученого в шести томах (вышло пять томов) были проведены заново разыскания в отечественных и зарубежных архивах и библиотеках, вернувшие науке неизвестные статьи, заметки, многочисленные письма и рисунки. Новое собрание сочинений представляет с наибольшей полнотой наследие ученого, содержит богатый комментарий и, что особенно важно, основы-